

Девятнадцатое число восьмого месяца первого года правления Каймин. Большая армия наконец вошла в Чанъань.

Простые люди выстроились вдоль улиц, приветствуя возвращающихся с победой воинов, однако в центре войска не оказалось той самой повозки. Несколько чиновников, отправленных встречать армию, растерянно переглянулись и, обратившись к ЦАО Шу, с допросом набросились на него: — Где Великий наставник Сюй?

ЦАО Шу поспешно принялся оправдывать Сюй Инбая: — Великий наставник захворал и уже раньше вернулся в резиденцию. Он также велел мне передать глубочайшие извинения всем господам за то, что вы совершили эту поездку впустую.

Это вовсе не было ложью: все гражданские и военные чиновники при дворе знали, что Сюй Инбай, четыре месяца назад вступивший в должность Великого наставника и отправившийся к заставе Цзяюйгуань сражаться с неприятелем, на обратном пути в Чанъань слег с болезнью. По этой причине император даже пожаловал ему особую милость, разрешив сначала вернуться в Чанъань и полностью восстановить силы, прежде чем отправляться во дворец для отчета о службе.

Поэтому, услышав слова ЦАО Шу, чиновники поспешно замахали руками, говоря, что в этом нет ничего страшного, и добавляя, что в один из дней они непременно навестят Великого наставника.

Тем временем в одной из неприметных резиденций в городе Чанъань Сюй Инбай сидел под сенью зеленеющих деревьев, наблюдая за тем, как Се Цзинвэй занимается чистописанием.

Его болезнь прошла уже давным-давно, однако он просто не желал возиться со столичными сановниками, поэтому и сослался на недуг, вернувшись в поместье. Стоило ему переступить порог, как он сразу же взялся за проверку успехов Се Цзинвэя.

Се Цзинвэй был его младшим учеником, которого он взял к себе в восемьдесят лет... то есть в тот год, когда ему самому исполнилось восемнадцать.

Этот малыш изначально должен был стать закрытым учеником наставника Сюй Инбая — Сюань Цинцзы. Беда была лишь в том, что стоило этому мальчицу увидеть Сюань Цинцзы — с длинной бородой, вперившегося в метлку-фэньчэнь и гонящегося за остальными учениками с бранью и полнейшим отсутствием всякого подобия приличного облика, — как он тут же в ужасе отпрянул на два шага назад.

Свирепость и строгость Сюань Цинцзы до смерти испугали семилетнего Се Цзинвэя. Мальчик залился горькими слезами, вцепился в полу одежды Сюй Инбая и, наотрез отказываясь отпустить, сквозь плач потребовал сделать Сюй Инбая своим учителем.

Впрочем, даже при том, что собственный наставник обладал столь своеобразной внешностью,

Се Цзинвэй сейчас совершенно не мог об этом думать.

Если пойти за мной, в один прекрасный день можно запросто лишиться головы.

Сюй Инбай смотрел, как Се Цзинвэй переписывает свитки, а неподалеку, почтительно склонившись, стояли несколько слуг, готовых в любой момент услужить. Управляющий Лю держал в руках сачок и охотился на цикад, чье хриплое пение раздавалось прямо в ветвях деревьев.

Стоило Се Цзинвэю услышать это, как он тут же взъерошился: — Ученик не хочет!

Сюань Цинцзы уговаривал его несколько дней, но все было безрезультатно. В конце концов ему пришлось разрешить Се Цзинвэю трижды поклониться Сюй Инбаю, поднести ему чашку чаю и официально признать своим наставником.

Сюй Инбай тяжело вздохнул про себя.

Впоследствии Сюань Цинцзы допытывался у Се Цзинвэя: в даосской обители столько людей, почему же он уцепился именно за Сюй Инбая, человека с такой скудной долей удачи, и напросился к нему в ученики!

Семья Се Цзинвэя всегда учила его быть честным человеком, а потому, услышав этот вопрос, он простодушно ответил: — Наставник красивый.

Подразумевалось, что еще бабушка надвое сказала, кто за кем будет ухаживать.

— Слушайся, — голос Сюй Инбая не допускал возражений. — В Чанъане скоро грядут великие перемены, тебе будет безопаснее вернуться в даосский монастырь.

Услышав это, Се Цзинвэй обиженно протянул: — Если ученик уйдет, кто же станет заботиться о наставнике?

С тех пор как он ступил в мир смертных, не нашлось ни единого человека, увидевшего его и не пораженного до глубины души столь несравненной красотой и одухотворенностью. Находились даже те, кто утверждал, что его лицу под силу соперничать с солнцем и луной, а во всем Подлунном мире не сыскать никого, кто мог бы сравниться с ним в изяществе и благородстве. На него поистине можно было лишь издалека любоваться, но не дозволялось касаться!

И все же Се Цзинвэй ни капли не кривил душой — Сюй Инбай и впрямь обладал невероятно привлекательной внешностью.

Се Цзинвэй надул губы, собираясь заплакать.

— К тому же ты сбежал тайком, — Сюй Инбай опустил ресницы и с невозмутимым видом произнес: — Если вернешься сейчас и покаешься, патриарх в худшем случае запретит тебе покидать стены обители на полмесяца.

Об осанке и манерах и говорить не стоило: фигура Сюй Инбая напоминала стройные сосны и кипарисы — высокая и прямая, аура источала утонченное изящество горной орхидеи и одинокое величие небожительного белого журавля. Лицо же его поражало воображение своей яркостью и ослепительной красотой: кожа белая, словно глубокий зимний инеистый снег, переносица высокая, губы бледные, а меж бровей алела крошечная точка киновари. Пара невероятно красивых глаз скрывалась под черными, точно вороново крыло, длинными ресницами, и во взгляде их мерцал янтарный блеск. Стоило взглянуть на него, как все мирское тут же вылетало из головы.

Сюй Инбай понаблюдал за ним какое-то время, а затем мягким, чистым голосом произнес: — Цзинвэй, завтра я распоряжусь, чтобы тебя отвезли обратно в Даосский монастырь Сюаньмяо.

Маленькая головка Се Цзинвэя закачалась из стороны в сторону.

— Твоему наставнику в этом году двадцать три, а тебе сколько лет.

Се Цзинвэю оставалось лишь горько переписывать тексты, думая про себя: почему наставник никак не может оставаться таким же мягким и ласковым, каким он был в тот день, когда очнулся от болезни?

Не прошло и нескольких дней, как он снова превратился в строгого наставника.

Эти слова довели Сюань Цинцзы до того, что он задергал бородой и принялся гневно таращить глаза: молодой да ранний Сюй Инбай, конечно же, ласкал взор куда больше, чем этот старый хрыч!

Сегодня мальчишка ошибся всего в одном иероглифе при переписывании канонов, за что Сюй Инбай приказал ему переписать текст сто раз. Когда он только становился учеником, он и помыслить не мог, что этот молодой наставник окажется настолько суровым!

Никакие капризы и мольбы не помогали — Сюй Инбай на эти уловки не поддавался.

Сюй Инбай насквозь видел его намерения и тут же с искренним чувством добавил: — Плакать бесполезно.

У Се Цзинвэя тут же покраснели глаза, и, роняя крупные слезы, он продолжал строчить иероглифы. Его и без того не слишком красивый почерк стал еще более кривым и корявым.

— Пиши внимательно.

Сюй Инбай бросил на Се Цзинвэя быстрый взгляд.

Се Цзинвэй горько взвыл и залился слезами: — Наставник больше не хочет ученика, у-у-у-у, да еще и ругает его!

Сюй Инбай: «.....»

Интересно, кем же это избалован ребенок, раз он способен так капризничать, извращать факты и нести полную чушь?

Сюй Инбай твердо верил, что дело вовсе не в его собственном воспитании, а в том, что старшие братья по обители и сам наставник окончательно разбаловали Се Цзинвэя.

Он вздохнул: — Ты поистине самый шумный ученик из всех, кого мне доводилось обучать.

Се Цзинвэй всхлипнул: — Разве у наставника не единственный ученик — это я? У наставника появились другие ученики?!

Ощувив смертельную угрозу своему положению, Се Цзинвэй заплакал еще громче.

Сюй Инбай же опешил от такого вопроса.

— Других учеников нет, — медленно ответил Сюй Инбай. — Просто... в прошлые жизни... то есть раньше мне тоже доводилось учить грамоте кое-кого из людей.

Впрочем, то осталось в прошлой жизни, и теперь, вспоминая об этом, он находил случившееся невероятно далеким.

Се Цзинвэй все еще плакал. Сюй Инбай не умел утешать детей, поэтому, подумав немного, произнес с серьезным видом: — Не плари. Один человек пишет куда хуже тебя.

Поймав несколько цикад, управляющий Лю весело усмехнулся: — Если молодой господин станет утешать юного господина подобным образом, боюсь, тот расплатится еще сильнее.

Услышав это, Сюй Инбай слегка усмехнулся краешком рта, а спустя мгновение и вовсе не удержался от смеха.

Вскоре Се Цзинвэй так устал переписывать, что уткнулся лбом в столик и заснул.

Сюй Инбай привычным движением подхватил ребенка на руки, и управляющий Лю тут же поспешил вперед, собираясь перехватить спящего мальчика.

Сюй Инбай едва заметно покачал головой, давая понять, что в этом нет необходимости.

Управляющий Лю тут же отступил в сторону.

Эта челядь была вышколена Сюй Инбаем превосходно: хотя в обычное время они порой могли отпустить пару шуток в адрес хозяина, но приказы выполнялись беспрекословно, и к Сюй Инбаю все относились с глубочайшим почтением.

Уложив Се Цзинвэя на кровать, Сюй Инбай приоткрыл оконную раму. Легкий ветерок дохнул с подоконника, и вместе с потоком воздуха в комнату влетел белоснежный почтовый голубь.

Сюй Инбай снял с лапки птицы послание.

Письмо было от Сюань Цинцзы. В нем старый даос сердечно справлялся о текущих делах Се Цзинвэя, а также заверял Сюй Инбая, что впредь обитель усилит охрану, дабы всякие посторонне шатающиеся элементы больше не разбегались куда попало.

В самом конце письма Сюань Цинцзы между делом осведомился у своего ученика: раз уж тот теперь привлекает к себе слишком много внимания и многие видят в нем бельмо на глазу, не требуются ли ему несколько искусных в боевых искусствах бродяг-одиночек, испытывающих нужду в деньгах, для обеспечения личной безопасности?

Что ж, в охранниках он действительно нуждался.

Горький опыт бегства на юг в прошлой жизни стоял перед глазами, и Сюй Инбай действительно нуждался в паре крепких бойцов рядом, чтобы предотвратить любые неожиданности.

Сюй Инбай развернул бумагу, взял кисть и уже собрался писать, но на середине внезапно замер.

Только вот пока письмо дойдет туда и обратно, пройдет добрых полмесяца, да и Сюань Цинцзы потребуется какое-то время на выдачу награды за поимку преступников, а потом еще и на отбор людей...

К тому моменту, как стражники прибудут, на дворе уже будет стоять ноябрь или декабрь.

Сюй Инбай потер переносицу и лишь спустя долгое время опустил руку — он вспомнил об одном человеке, который мог бы ему пригодиться.

В прошлой жизни возле него неотлучно находился телохранитель, и даже более того — рядом с ним действительно был тот, кто стоил сотни воинов.

Этот человек обладал несомненным талантом и с легкостью справлялся с командованием войсками в бою, вот только в прошлой жизни их отношения с Сюй Инбаем не назовешь хорошими — они были как вода и огонь. Если бы не авторитет самого Сюй Инбая, этот защитник, оказавшись на его месте кто-то другой, наверняка лишился бы головы спустя совсем короткое время после вступления в должность.

Конечно, главным было то, что этот человек не слишком-то желал подчиняться, и Сюй Инбаю, по его собственным мыслям, поневоле приходилось прибегать к полуправдивым и весьма изощренным методам, чтобы заставить его подчиниться.

Но службу он нес ревностно и честно, бесчисленное число раз спасая Сюй Инбаю жизнь.

За исключением того самого последнего раза.

Накануне покушения перед переправой на юг как раз истек срок их договора о расставании. Сюй Инбай, как и обещал, отдал ему противоядие и велел уходить.

Кто же знал, что на следующий день произойдет покушение!

На бурных водах реки свистели тучи стрел — казалось, нападавшие боялись, что Сюй Инбай недостаточно надежно мертв. Вэй Чжан с ожесточенным лицом, но согбенной спиной прятался за спиной ликующего князя Су. Последним, что увидел Сюй Инбай перед тем, как рухнуть в речные воды, был этот человек, который неизвестно почему вернулся назад: с безумными, залитыми кровью глазами он словно помешанный мчался прямо на него!

Сюй Инбай помнил, как тогда неблагодарно подумал: ...уж не боялся ли тот, что после его смерти ему некому будет мстить.

Но если бы в тот момент телохранитель все еще оставался при нем, Сюй Инбай думал, что с его боевыми навыками он, возможно, не погиб бы так рано.

Хотя выжить тоже не гарантировалось, ведь князь Су твердо решил свести его в могилу.

Увы, все это осталось в прошлом, а былого не веротишь.

Опомнившись, Сюй Инбай обнаружил, что сам не заметил, как вывел на бумаге его имя.

— Фу Линь.

Сюй Инбай отложил кисть. Сначала он хотел было бросить исписанный лист в корзину для мусора, но, подумав, счел это неосмотрительным. Тогда он подложил этот листок на самое дно и прижал тяжелым пресс-папье.

Выйдя из комнаты легким шагом, он позвал Ли Шии.

Ли Шии был слугой, которого он выкупил на Восточном рынке три года назад, едва прибыв в Чанъань. Парень был ладно скроен, умен, высок и тощ, точь-в-точь как палочка для еды, поэтому в резиденции его в шутку звали Ли Куайцзы.

Три года назад у Ли Куайцзы тяжело болела мать, и Сюй Инбай даже выделил деньги на ее лечение. Если бы не он, матушка юноши, должно быть, уже давно скончалась бы от болезни.

Ли Куайцзы отличался сыновней преданностью, а потому безмерно уважал Сюй Инбая. Услышав зов, он тут же примчался, чтобы выслушать приказания.

— Шии, — Сюй Инбай поправил пояс на одежде и отдал распоряжение: — Собирайся, поедem со мной в Великую тюрьму.

Ли Куайцзы проворно отозвался: — Слушаюсь!

Повозка неспешно выехала из Резиденции великого наставника и направилась в сторону Великой тюрьмы.

Добравшись до массивных дверей, Ли Куайцзы бросился к стражникам, зажав в кулаке серебро. Тот прикинул на ладони вес монеты, мгновенно расплылся в улыбке и беспрепятственно пропустил их внутрь, даже не удосужившись записать имена.

Вскоре Сюй Инбай в сопровождении тюремщика шагал по мрачным коридорам Великой тюрьмы. Другие тюремщики, попадавшие навстречу, опускали глаза, делая вид, что ничего не замечают.

Все они старались не попадаться на глаза Сюй Инбаю: когда подобные высокие чины воротили свои дела, простым сошкам лучше было не соваться чужие тайны.

В этой тюрьме содержались исключительно опасные преступники, и добрая половина из них уже никогда в жизни не увидела бы солнечного света. Надзиратели явно не утруждали себя заботами об их выживании: внутри стояла удушливая сырость, воняло за версту, воздух был отравлен тошнотворным смрадом гниения. Одни узники, тронувшись рассудком, безумно хохотали и рыдали прямо в камерах, другие же, изголодавшись за долгие дни без крошки во рту, в полубезумном состоянии грызли собственные загнивающие руки и грязные волосы.

— Будьте осторожны, господин, здесь выбоина, — Ли Куайцзы с тревожным видом прикрывал Сюй Инбая собой, подозрительно косясь на камеры по обеим сторонам прохода, хотя заключенные все равно не смогли бы выбраться наружу.

Сюй Инбай с привычной уверенностью продвигался вглубь тюремных блоков.

В прошлой жизни он бывал здесь лишь единожды, и точно так же, как и сейчас, ради одного человека.

Тогда Мэй Юн порекомендовал ему обратить внимание на несчастного человека, выразив надежду, что Великий наставник сможет вытащить его из Великой тюрьмы. К тому же этот человек обладал выдающимися боевыми навыками и происходил из знатного полководческого рода — иметь такого помощника при себе было бы весьма полезно.

Мэй Юн оказал Сюй Инбаю услугу, и в прошлой жизни тот согласился, велел освободить Фу Линъи из заточения и взять с собой.

Однако на сей раз Сюй Инбай явился сюда по собственной воле.

Потому что ему требовался послушный меч в руке.

К тому же... этот человек действительно обладал огромной ценностью, и позволить ему сгинуть здесь было нельзя.

С этими мыслями Сюй Инбай поднял руку и постучал по деревянному столбу решетки.

— Фу Линъи.

Узник в камере резко вскинул голову, и его глаза, острые словно у ястреба, впились в Сюй Инбая.

<http://bllate.org/book/18659/1798825>